

Феномен псевдоморфозы: попытка реинтерпретации

Аннотация: В статье рассматриваются возможности и предпосылки реактуализации концепта псевдоморфозы в современных условиях. Точкой отсчета в исследовательской работе автора является концептуализация О. Шпенглера. При этом автор понимает и интерпретирует псевдоморфозу не только как глобальный исторический сдвиг, переломный момент в развитии общества, но и рассматривает псевдоморфность как некую определяющую характеристику, некое качество, присущее процессу исторического развития и обусловленное значительной ролью феномена псевдоморфозы в истории того или иного макросоциума. Исходя из того, что основным инструментом исследования является понятийный аппарат, автор характеризует основные понятия, которые используются в контексте концепции псевдоморфного развития России: псевдоморфоза, рецепция, инверсия; помимо этого, автор вводит понятие локального псевдоморфного пространства. Новизна подхода автора к проблеме связана с тем, что псевдоморфоза рассматривается не только как специфический исторический феномен, но и как тип развития, присущий определенным странам, в частности, России. Это предполагает более широкое понимание явления, чем было свойственно О. Шпенглеру. Автор обращает внимание на проблему рецепции социокультурного содержания в процессе псевдоморфозы, которое может заимствоваться неполно, выборочно, частично. Наконец, предлагаемая концептуализация предполагает осмысление механизмов псевдоморфного развития, в частности, феномена инверсии и «реванша» автохтонного, подавленного содержания.

Ключевые слова: история, псевдоморфоза, рецепция, инверсия, культура, политика, христианизация, Шпенглер, Флоровский, Цымбурский.

Review: The article discusses the possibilities and prerequisites for the re-actualisation of the concept of pseudomorphosis under contemporary conditions. The reference point in the author's research is the conceptualisation by Oswald Spengler. The author defines pseudomorphosis not only as a global historical shift, a turning point in the development of a society, but also considers pseudomorphosis as a sort of defining characteristic, a quality inherent to the process of historical development, and defined by the significant role of the pseudomorphosis phenomenon in the history of one or another macro-culture. Based on the fact that the main instrument of any scientific research is its conceptual framework, the author describes the basic concepts used in the context of the pseudomorphic development theory of Russia: pseudomorphosis, reception, inversion; in addition, the author introduces the concept of local pseudomorphic space. The novelty of the author's approach stems from regarding pseudomorphosis not only as a specific historical phenomenon, but also as a type of development inherent in some countries, including in Russia. This implies a broader understanding of this phenomenon than was prescribed by Spengler. The author draws attention to the issue of the reception of socio-cultural content during the process of pseudomorphosis, which can be borrowed incompletely, selectively, partially. Finally, the proposed conceptualisation involves the understanding of the mechanisms of pseudomorphic development, in particular, the phenomenon of inversion and "revenge" of the repressed autochthonous content.

Key words: Spengler, Christianisation, politics, culture, inversion, reception, pseudomorphosis, history, Florovsky, Tsybursky.

Данная статья продолжает, а отчасти и обобщает разработку автором проблемы псевдоморфности российского развития, начатую в конце 2000-х гг. [1]. Возможно ли переосмыслить в начале XXI в. концепт псевдоморфозы, ввести его в современные

контексты, увязать с событиями почти столетнего периода времени, прошедшего после выхода в свет знаменитой работы Освальда Шпенглера, где это понятие впервые появляется в рамках социально-гуманитарного дискурса? Возможна ли подобная ревитализация и стоит ли пытаться ее

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Псевдоморфоза в российской истории», осуществляемого при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-03-00186а).

осуществить? Ибо это имеет смысл только в том случае, когда и если этот исследовательский ход, это методологическое расширение, эта концептуализация открывают нам какие-то новые перспективы осмысления прошлого и настоящего.

1. Постановка проблемы

Псевдоморфоза, как уже было сказано, – это понятие, введенное в социально-гуманитарные науки О. Шпенглером в знаменитой работе «Закат Европы» [2, 193]. Заимствовав сам термин из минералогии, Шпенглер с его помощью идентифицировал весьма специфический феномен, присущий целому ряду государств в различные периоды человеческой истории. Используя это понятие, Шпенглер описывал процесс, предполагающий навязывание макро-социуму определенной культурной оболочки, в которой обречено далее существовать и развиваться (или существовать и деградировать) некое автохтонное содержание, некие присущие данному обществу социокультурные матрицы, практики и системы жизнеустройства. Если говорить о России, то Шпенглер рассматривал прежде всего псевдоморфозу эпохи Петра I, давая ей весьма негативную оценку. Петровская псевдоморфоза, по его мнению, «втиснула примитивную русскую душу вначале в чуждые формы высокого барокко, затем Просвещения, а затем – XIX столетия» [2, 197]. И далее: «Народу, предназначением которого было еще на продолжении поколений жить вне истории, была навязана искусственная и неподлинная история, постижение духа которой прарусскостью – вещь абсолютно невозможная. Были заведены поздние искусства и науки, просвещение, социальная этика, материализм мировой столицы, хотя в это предвремя религия – единственный язык, на котором человек способен был понять себя и мир; и в лишенном городов краю с его изначальным крестьянством, как нарывы, угнездились отстроенные в чуждом стиле города. Они были фальшивы, неестественны, невероятны до самого своего нутра» [2, 198].

После Шпенглера понятие псевдоморфозы эпизодически использовалось некоторыми известными мыслителями и исследователями, в частности, Г. В. Флоровским [3] и, уже в наше время, В. Л. Цымбурским [4; 5]. Флоровский полагал, что в конце XVII в. на Руси произошла псевдоморфоза религиозного сознания, религиозной мысли. Москва оказалась не в состоянии противостоять давлению наступающего из

Киева латинофильства. «Это первая и открытая встреча с Западом. Можно было бы сказать, свободная встреча, – если бы она не окончилась не только пленом, но именно сдачей в плен» [3, 56].

Высказывается мнение, что на мысль об интерпретации процессов XVII в. в терминах псевдоморфозы Флоровского навело знакомство с работами философа, специалиста по восточно-славянской культуре Д. И. Чижевского [6, 181]. Во всяком случае, сам термин впервые появляется в 1929 г. в небольшой рецензии Флоровского на работу Чижевского «Философия на Украине», опубликованной в журнале «Путь»: «Киевский дух» был одним из слагающих и роковым фактором в русской духовной среде... В области духовной культуры можно говорить о «Киевском псевдоморфозе» [7, 118–119]. При этом, заметим, сам Чижевский отнюдь не считал западное влияние на духовное развитие Руси/России негативным фактором.

Что касается В. Л. Цымбурского, который высоко ценил философию истории О. Шпенглера, то он использовал понятие псевдоморфозы в чисто шпенглеровском духе: это собственное цивилизационное содержание в чужих формах: «В определенный момент Россия объявляет себя частью Европы. Одна цивилизация объявляет себя вдруг частью другой и начинает имитировать и воспроизводить европейские формы жизни и культуры» [4].

В понимании многих проблем Цымбурский был чрезвычайно близок к Шпенглеру. Сравните, например, следующий фрагмент с процитированным выше пассажем из «Заката Европы». «Россия совершила один глубочайший, так сказать, грех, вообразивши себя после Петра Великого Европой. Ибо – вообразивши себя Европой – она устремилась к участию в политике коренных европейских романо-германских народов. Устремившись к этому участию, она неизбежно должна была проецировать силу на основную европейскую платформу и включаться в европейскую игру. А для того чтобы проникнуть туда, в Европу, она должна была перешагнуть через пояс территорий и проливов, которые я называю *strait-territories* и *stream-territories*, и должна была так или иначе их поглотить и без разбора инкорпорировать. С этого момента, с XVIII века начинается эпоха постоянного всасывания Россией в себя территорий, не органичных ей цивилизационно, что предполагало разжижение ее цивилизационной основы, включение массы людей, в значительной степени ей чуждых и не

понимающих ее первоначальных цивилизационных интересов и установок. Константин Леонтьев когда-то говорил, что, силясь включить западных и южных славян, Россия просто элементарно подрывала свое существование. То же касалось и массы иных, вобранных Россией лимитрофных народов» [5, 102].

Очевидно, что и Шпенглер, и Флоровский, и Цымбурский использовали понятие псевдоморфозы для описания достаточно специфического, исторически значимого, с их точки зрения, но скорее уникального феномена или процесса, не рассматривая ее как некий универсальный, воспроизводимый из века в век, типологический механизм развития.

Заслуга О. Шпенглера заключается прежде всего в том, что он вычленил феномен псевдоморфозы из потока истории, описал явление, для которого в социально-гуманитарных науках не было даже термина, и обозначил некоторые подходы к его анализу. При этом резюмирующая часть историософии Шпенглера – Россия развивается естественно и органично, лишь пока она остается самой собой и находится на периферии мирового процесса, – представляется не вполне адекватной той большой философско-исторической идее, которой Шпенглер дал жизнь. Очевидно, что влияние псевдоморфозы на историю России не столь однозначно и, кроме того, шпенглеровское понимание целей и смысла исторического бытия России, мягко говоря, далеко не бесспорно.

В современной литературе обращение к понятию псевдоморфозы в основном связано именно с изложением идей О. Шпенглера, прежде всего, в историко-философском и философско-историческом контекстах. Выделим здесь исследование Г.-К. Крауза «“Закат Европы”. Россия в исторической мысли Освальда Шпенглера» [8], в котором анализируется отношение немецкого философа к России и интерпретируется понимание Шпенглером роли псевдоморфозы в российской истории. Отметим также небольшой очерк финского профессора Г. Х. фон Вригта «Модернизация как псевдоморфоз» [9, 247–254], приложение к его книге о трех русских мыслителях – Достоевском, Толстом и Бердяеве.

Эпизодически появляются тексты, в которых понятие псевдоморфозы используется для характеристики состояния и развития отдельных сегментов социальности и/или тех или иных социокультурных феноменов. Отметим, в частности, статью Б. В. Межуева «Десятиле-

тие одной псевдоморфозы», посвященную развитию русского рока. Автор констатирует, что почти вся история русских художественных стилей – это история псевдоморфоз: «русское содержание» всегда протестует против «европейской формы» [10].

Так или иначе, в настоящее время концепт псевдоморфозы не является распространенным, популярным или модным (потому что мода существует и в социально-гуманитарных науках); как правило, исследователи предпочитают использовать для анализа и осмысления исторического пути России иные методологические матрицы. Обращение к понятию псевдоморфозы при анализе реалий российской истории – явление нечастое. Как представляется, этот концепт явно недооценен и едва ли справедливо находится на периферии исследовательского интереса российских ученых. Во всяком случае, нам не приходилось встречать фундаментальных работ, посвященных российской псевдоморфозе.

Автор этих заметок в последние годы приложил определенные усилия для исследования и осмысления феномена псевдоморфозы и интерпретации российской истории в контексте концепта псевдоморфности. Эти исследовательские усилия касались прежде всего (а) общего понимания феномена псевдоморфозы; (б) осознания того, что псевдоморфоза – это специфическая составляющая развития России, феномен, регулярное воспроизводство которого в истории заставляет нас говорить о некоем особом типе развития страны; (в) анализа, если хотите, анатомирования некоторых из идентифицированных нами глобальных псевдоморфоз. В частности, весьма подробно рассмотрены первая российская псевдоморфоза (и христианизация как ее ядро [11; 12]). Вместе с тем ряд псевдоморфных поворотов, имевших место в российской истории, еще ждут детального анализа, как и исследование закономерностей работы псевдоморфной «машины», роли инверсии прежде всего.

2. Понятийный аппарат и методология

В контексте любого научного исследования чрезвычайно важно определиться с понятийным аппаратом, который, собственно, является одним из основных рабочих инструментов исследователя. Столь же важно определить содержание и границы каждого из ключевых понятий.

В основном нами используется уже сложившаяся, традиционная система понятий. При

этом предлагается существенно более широкое понимание феномена псевдоморфозы, чем было присуще О. Шпенглеру. Автор «Заката Европы», как известно, полагал, что псевдоморфоза – это подавление культуры «юной», еще не созревшей в полной мере, культурой более «старой» и сильной. Мы придерживаемся той точки зрения, что псевдоморфная конструкция – подавление некой привнесенной извне оболочкой автохтонного культурного и иного содержания – универсальна и может функционировать и в том случае, когда оболочку привносит молодая, но при этом более сильная и агрессивная культура. Кстати, к этому выводу подводит и логика самого Шпенглера. Он замечает, что победы в знаменитой битве при Пуатье в 732 г. не франки под предводительством Карла Мартелла, а арабы и сделай они «Франкистан» своим северо-восточным халифатом, «арабский язык, религия и общество сделали бы господствующими, на Луаре и Рейне возникли бы города-гиганты наподобие Гранады и Кайравана, готическое чувство было бы принуждено выражаться в давно заостренных формах мечети и арабески, а вместо немецкого мистицизма у нас был бы некоего рода суфизм» [2, 195–196]. И это притом, что арабская культура к исходу первой трети VIII в. по сравнению с европейской христианской культурой, конечно же, была более молодой. Добавим к этому, что нечто подобное описанной Шпенглером гипотетической исторической инволюции вполне реально осуществилось в захваченной арабами Испании.

Помимо понятия «псевдоморфоза» мы оперируем также понятием *псевдоморфность*. Весьма вероятно, что этот термин в социально-гуманитарных науках ранее не использовался. Под псевдоморфностью в контексте наших штудий понимается некое качество, присущее процессу исторического развития и обусловленное значительной ролью феномена псевдоморфозы в истории того или иного макросоциума.

Одним из важнейших понятий, при помощи которого анализируется механизм псевдоморфного развития, является понятие *инверсии*. В философии и социально-гуманитарных науках понятие инверсии используется двояким образом. Во-первых, инверсия понимается как некий мыслительный, интеллектуальный процесс, поворот в массовом сознании. Такое понимание обозначено, в частности, в «Социокультурном словаре» видного философа, культуролога и методолога А. С. Ахиезера [13, 195–199].

Однако многие исследователи и, кстати, А. С. Ахиезер в их числе вкладывали в это понятие и иные смыслы, понимая инверсию как некую глобальную историческую трансформацию, фундаментальный, определяющий ход истории поворот. В этом контексте Ахиезер говорил об инверсии как о механизме, во многом предопределившем характер и течение русской истории. То есть истории, для которой характерен был переход от одной крайности к другой, меняющиеся местами полюса, превращение добра – в зло, зла – в добро и т. д. В России каждая эпоха, полагал Ахиезер, стирает «письмена» предыдущей и начинает писать свою историю с чистого листа. В отличие от Европы, где преобладала логика медиации, т. е. некоего среднего, компромиссного пути.

В рамках нашей концептуализации мы ориентируемся прежде всего на вторую из изложенных выше трактовок инверсии; понимание инверсии как процесса изменения общественного сознания, трансформации мыслительных матриц мы оставляем в стороне и трактуем ее как изменение иерархии неких социальных сил, факторов и процессов. Поскольку это происходит в пространстве истории, мы можем говорить об исторической инверсии. Иными словами, иерархичность культур и социокультурных содержаний, которую предполагает любая псевдоморфоза, находит отражение и в трактовке псевдоморфной инверсии. Подобное понимание, повторим, отличается от некоторых определений А. С. Ахиезера, но совпадает с некоторыми другими его определениями и интерпретациями. И при этом, заметим, оно не только не является новацией, но в каком-то смысле восходит к библейскому «последние станут первыми».

Когда мы говорим об инверсии, важно понимать, что речь идет не только о трансформации политических и экономических параметров макросоциума, но и об определенном рода социокультурных и психосоциальных сдвигах, которые являются предпосылкой и условием возвратного движения в сферах экономики и политики. Историк В. П. Булдаков, анализируя сдвиги в массовом сознании после окончания Гражданской войны в России и перехода к нэпу, отмечал, что нельзя ограничиваться изучением нэпа как по преимуществу экономического или политического феномена. Необходимо рассматривать соответствующую психосоциальную и социокультурную ситуацию: последствия удара по народной психике, нанесенного хаосом рево-

люции и Гражданской войны [14, 13], и своего рода фантомные боли от усекновения мечты о светлом будущем [14, 14]. Инверсия как процесс и как механизм не может быть понята без и вне анализа психоэмоционального компонента массового сознания (о чем, правда, не используя понятие инверсии, и писал В. П. Булдаков в цитированной выше работе).

Более того, В. П. Булдаков приходит к выводу, что в России власть является производной от народных представлений о ней: «Людская масса по-своему формирует власть <...> совершенно особым, социологически трудноуловимым способом» [15, 22–23].

Очевидно, процессы в психосоциальной сфере, обозначившиеся в России после бурных 1990-х, были во многом сходными с тем, что происходили в массовом сознании в 1920-е гг. Заметный элемент хаоса и, в лучшем случае, неопределенности спровоцировал усталость и политическую апатию [16]. Наконец, полустихийное структурирование постреволюционного социокультурного пространства (В. П. Булдаков) [14, 15] создало предпосылки для возвратного движения.

Разумеется, последствия поворота 1991 г. были по радикальности и жестокости не сравнимы с тяжестью и даже свирепостью послеоктябрьских лет. В России, обретшей новую конфигурацию после распада СССР, не было ни гражданской войны, ни массового голода, ни эпидемий тифа, ни расстрелов красными – белых и белыми – красных. Но при существенном отличии событийной канвы последствия были во многом аналогичными. И именно они сделали возможной политическую и отчасти экономическую инверсию, начавшуюся в «нулевые» и продолжившуюся в 2010-е гг. XXI в. Здесь присутствовали и фантомные боли от ампутированной перспективы «светлого будущего», которое казалось таким близким еще в конце 1980-х, и усталость от неразберихи и нестабильности, финальной точкой которых стал дефолт 1998 г., и воспоминания о реальной тяжести выживания в условиях ломки старой и становления новой социальной системы, множества ограничений и нехваток.

В концепции псевдоморфного развития России интегрированы понятия, сложившиеся в целом ряде социально-гуманитарных дисциплин, истории и философии прежде всего. Однако в ряде случаев оказывается целесообразным провести дифференциацию и уточнение

содержания этих понятийных единиц. В частности, в нашей концептуализации используется широко распространенное прежде всего в исторических исследованиях понятие *двоеверия*. Мы полагаем, что о двоеверии следует говорить в двух смыслах. Во-первых, данный термин используется для характеристики взаимоотношений язычества и христианства в Киевской Руси до официального принятия христианства как государственной религии, т. е. для описания ситуации *параллельного существования* двух религий. Во-вторых, понятие используется для описания ситуации, сложившейся после «крещения Руси», и в этом случае речь идет уже о соподчинении, иерархизации религий, о ситуации подавления одной, возобладавшей в контексте псевдоморфного поворота религией другой и о способах выживания этой последней. В этом случае следует говорить о *псевдоморфном* двоеверии.

Мы также используем ряд понятий, отражающих способ, специфику, условия реализации псевдоморфной модели. Иными словами, описывающих не форму, а содержание процесса. Речь идет о таких понятиях, как норманизация, христианизация, монголоизация, советизация и т. п. Здесь надо отметить особенности употребления понятия *христианизация* и устойчивого и укорененного в литературе словосочетания «крещение Руси». Под христианизацией подразумевается глобальный, растянувшийся на столетия процесс внедрения на территории Руси/России христианской религии, чаще всего в противовес исторически более раннему язычеству и другой мировой религии, исламу. Под «крещением Руси» (автор, как правило, заключает этот термин в кавычки) понимается символический момент принятия христианства в качестве официальной, государственной религии. Поскольку автор исходит из того, что христианизация Руси – длительный, растянутый во времени процесс, использование кавычек подчеркивает некоторую условность распространенного термина.

Наконец, автор вводит понятие *локальных псевдоморфных пространств*, имеющих свою специфику как с точки зрения подавления автохтонного социокультурного содержания и его трансформации, так и в ситуации, когда это автохтонное содержание оказывается в какой-то момент способно на инверсию и, в той или иной мере, на исторический рывок.

Точкой отсчета в нашей исследовательской работе является методология и осуществленная на ее основе концептуализация О. Шпенглера,

идентифицировавшего сам феномен псевдоморфозы и интегрировавшего соответствующее понятие в пространство социально-гуманитарных наук. Содержание, наполнение, границы понятия, введенного Шпенглером, могут и должны корректироваться, по-разному может пониматься роль фактора псевдоморфности в российской истории, но методология подхода к анализу явления, использованная автором «Заката Европы», была и в своих основах до сих пор остается актуальной.

Другим методологическим ходом, используемым для понимания природы и специфики псевдоморфных процессов в России, стало сравнение более поздних, локальных модификаций псевдоморфозы с более ранними, глобальными [12, 1139–1141]. При этом локальные псевдоморфозы, локальные псевдоморфные пространства при известных условиях могут быть идентифицированы как синхростадиальные аналоги первой глобальной российской псевдоморфозы.

Серьезная проблема – интеграция в структуру междисциплинарного, историко-философско-культурологического исследования весьма конкретных результатов и выводов, полученных учеными в различных сегментах социально-гуманитарного знания, прежде всего в рамках исследований исторического и этнографического характера. Чрезвычайно сложно, но в то же время крайне необходимо осуществить синтез философского и исторического знания с тем, чтобы адекватным образом вписать конкретные исторические реалии в общее видение мира, в частности, российской действительности. То же может быть сказано и о культурологии, и об этнографии. Не менее важно нащупать политологические аспекты проблематики, выводящие достаточно общие и порой несколько абстрактные генерализации в плоскость анализа актуальных проблем российского государства и функционирования власти.

В частности, при разработке различных аспектов проблематики псевдоморфного развития мы опирались на некоторые идеи, выдвинутые российскими историками и культурологами. Например, важное значение имеет идея В. М. Живова о том, что при рассмотрении процесса рецепции одной культуры другой следует не только говорить о взаимном влиянии, но анализировать весь непростой механизм отбора и трансформации элементов заимствуемой культуры [17, 73]. Живов подчеркивал, что надо стремиться реконструировать ту новую систему, в которую

преобразовывались элементы заимствуемой культуры, и попытаться понять, каковы принципы функционирования этой системы. Разумеется, псевдоморфоза не сводится к простому заимствованию; это, помимо всего прочего, и определенная иерархизация культур, определенный механизм подавления одной культуры другой. Однако селективность и неполнота восприятия социокультурной матрицы в процессе псевдоморфного заимствования также является параметром, определяющим характер развития макросоциума-реципиента. В частности, нам следует разобраться в том, почему в процессе первой российской псевдоморфозы было воспринято христианство, но не была воспринята, например, византийская правовая культура. Или почему монгольская псевдоморфоза, связанная с ордынским игмом, не привела к заимствованию ислама (в отличие, скажем, от ситуации на Иберийском полуострове времен арабского завоевания).

Столь же значимы для концепции псевдоморфного развития России некоторые идеи российских историков. Существенной точкой опоры для автора стали работы академика Б. А. Рыбакова о язычестве на Руси и данная им интерпретация феномена двоеверия. Следует также упомянуть концептуальную, вытекающую из достаточно тщательного и оригинального анализа реалий Киевской Руси идею И. Я. Фроянова о том, что христианство было привнесено на Русь, когда общество еще по большому счету не было подготовлено для этого. Наконец, автор возвращается к высказанному еще в 1960-е гг. мнению ряда историков о том, что допетровская Россия имела больше шансов и возможностей двинуться по европейскому пути, чем Россия постпетровская, выстроенная согласно псевдоморфной модели. Эти идеи, следует заметить, коррелируют с некоторыми выводами, сделанными автором в процессе его собственной исследовательской работы, например, с выводом о том, что петровская эпоха и петровские реформы означали одновременно и модернизацию (технологическую и военную), и архаизацию (социальную) [18].

Наконец, при разработке проблематики использовались публикации отечественных этнографов начиная с XIX в. (В. А. Сбоев, Г. Е. Верещагин), в которых рассматриваются особенности процесса христианизации на Урале и в Поволжье и, в нашей терминологии, соответствующие псевдоморфные модели (христианско-языческая и христианско-исламская).

3. Позиция видения

Итак, мы ставим перед собой задачу исследовать роль и значение феномена псевдоморфозы в российской истории. Под псевдоморфозой, как уже было отмечено выше, подразумевается процесс, предполагающий навязывание макро-социуму определенной привнесенной извне, аллохтонной оболочки, в которой обречено далее существовать и развиваться автохтонное содержание. Если говорить о России, псевдоморфоза – это не этап и не форма, а *тип развития*. Точнее, не только этап и не только форма. Сами основы русской культуры и русской государственности, как мы показали в своих, уже упоминавшихся выше работах, были псевдоморфными. Как представляется, это достаточно нетривиальная постановка проблемы. Думается, подобная концептуализация позволяет взглянуть на российскую историю под существенно иным углом зрения.

С нашей точки зрения, российская псевдоморфоза не может быть сведена к заимствованию европейской культурной оболочки в эпоху Петра I и выживанию в ее рамках автохтонной культуры. Россия прошла через целый ряд глобальных, наложивших отпечаток на ее исторические судьбы псевдоморфоз. Первая была связана с пришествием варягов и принятием христианства на Руси. Вторая была следствием монгольского ига и заимствования системы монголо-мусульманских властных практик, как в монгольский, так и в постмонгольский период. Третья была связана с церковной реформой патриарха Никона и эпохой петровских преобразований. Четвертая была инициирована большевистской революцией 1917 г. и означала достаточно стремительное подавление экономических, политических, культурных атрибутов дореволюционной эпохи. Наконец, в ближайшей, неустоявшейся еще истории, после горбачевской перестройки, ликвидации однопартийной системы, распада СССР и перехода к рыночной экономике, мы сталкиваемся с очередным возрождением европоморфной псевдоморфозы.

Очевидно, что многие социальные, политические и экономические коллизии и потрясения, имевшие место в России, были связаны со специфическим воздействием псевдоморфных механизмов. В частности, с тем, что культурное содержание, подавленное в ходе наложения иностранной матрицы развития на российский макро-социум, не только выживает в стиснувшей его оболочке, но и сопротивляется ей, накапливает энергию возвратного движения, которая при

определенных условиях приводит к инверсии, к своеобразному реваншу ранее подавленного, находящегося под спудом социокультурного содержания, порой – к политическому взрыву. Либо, в ситуации, когда у автохтонного содержания нет возможности этого исторического реванша, оно остается потенциалом сопротивления, подерживая и воспроизводя своеобразное состояние псевдоморфного раскола общества.

Разумеется, нельзя абсолютизировать роль фактора псевдоморфности в российской истории и связывать логику и специфику развития России исключительно с псевдоморфным характером ее исторического существования. Псевдоморфность развития, цепь глобальных российских псевдоморфоз – лишь один из определяющих это развитие факторов.

Предлагаемое понимание псевдоморфозы естественным образом поднимает ряд достаточно глобальных вопросов. Какое влияние оказывает фактор псевдоморфности на развитие страны, какой отпечаток накладывает на ее историческую судьбу? Является ли псевдоморфоза отнесенным благом, позволяющим ускорить прохождение определенных исторических этапов, опираясь на структуры, созданные в иных условиях и иных социокультурных средах? Или же она направляет страну по заведомо бесперспективному пути, клонируя социальные модели, уже использованные другими, консервирует отставание от тех, кто прошел этот путь раньше, и потому негативные последствия псевдоморфного выбора неизбежны? Является ли псевдоморфоза историческим поражением, «сдачей», как в свое время выразился Флоровский, или это, напротив, своего рода захват культурных ресурсов, заимствование посредством завоевания чужой культуры, как пишут, например, А. С. Ахиезер, И. М. Клямкин и И. Г. Яковенко о христианизации Киевской Руси [19, 79]?

Другой аспект проблемы: в истории не так часто можно встретить примеры абсолютной, тотальной псевдоморфозы, полного и всеобъемлющего заимствования. В связи с этим чрезвычайно актуально осмысление механизмов культурной рецепции, идентификация компонентов заимствуемых и элементов отторгнутых, понимание логики и причин этого частичного, сегментарного, фрагментарного заимствования.

Каждая из упомянутых выше пяти глобальных российских псевдоморфоз имеет свою специфику, свое историческое «лицо». Действительно, вполне очевидны фундаментальные раз-

личия между добровольной рецепцией христианства Киевской Русью, заимствованием властных монголоморфных структур в результате ордынского ига, по сути, порабощения, и псевдоморфозой, запущенной после захвата власти большевиками в октябре 1917 г. и означавшей навязывание России утопической коммунистической идеологии. Поэтому каждый из витков псевдоморфного развития Руси/России должен быть проанализирован отдельно, с тем чтобы выявить его специфику и исторические последствия. Лишь в этом случае возможно выстроить общую логику исторического развития России.

Существенным аспектом проблемы является механика работы псевдоморфной машины, взаимодействие автохтонного и привнесеного, аллохтонного. Как правило, в результате подобного взаимодействия аллохтонная, привнесенная извне оболочка сливается с автохтонным культурным слоем, растворяется в нем. В то же время автохтонное как бы впитывается в аллохтонную оболочку. Скажем, христианство, которое было частью и доминантой привнесенной извне культуры, с течением времени становится компонентом культуры автохтонной. И какая-то часть последней при определенных условиях может превратиться в «угнетаемую» компоненту псевдоморфной конструкции, как это случилось со «старой верой» после церковной реформы патриарха Никона. Равным образом и православная церковь превращается в автохтонный институт, в каркас специфической цивилизационной конструкции. Каковой накануне имплантации христианства в ткань славянской культуры составляли язычество в духовно-религиозной сфере и вече в структурах власти.

Не менее значимой является уже обозначенная выше проблема инверсии в псевдоморфных структурах. Постановка проблемы, данная Шпенглером и его современными последователями, побуждает исследователей скорее сосредоточить внимание на подавлении привнесенной культурой культуры автохтонной, на деформации последней. Бытие этой последней под аллохтонной оболочкой и накопление потенциала инверсии, который зачастую результируется в некоем подобии социокультурного «реванша», порой остается вне сферы анализа. Эта проблема имеет множество аспектов – так, абсолютно не исследованным остается вопрос о влиянии псевдоморфности, потенциала инверсии на развитие социальных и политических противоречий и конфликтов.

Как уже отмечалось, в российской истории можно выделить по крайней мере пять глобальных псевдоморфоз. Для того чтобы выстроить логику исторического развития России и определить роль фактора псевдоморфности, необходимо тщательно и ответственно, игнорируя расхожие, но не всегда адекватные реальности представления и философско-исторические стереотипы, рассмотреть каждый из витков этого развития. Между тем в литературе можно найти главным образом попытки осмысления петровской эпохи, причем чаще всего трактуемой даже не в духе Шпенглера как псевдоморфозы, определившей все дальнейшее развитие России, а в терминах разного рода теорий модернизации.

Особую актуальность приобретает анализ периода, начавшегося с конца перестройки, распада СССР, ликвидации однопартийной системы и создания основ рыночной экономики. И не только и не просто как псевдоморфозы, а как своего рода инверсивной псевдоморфозы. Инверсивной и в том смысле, что переворот 1991 г. и, в более широком смысле, процессы, которые его вызвали, были результатом определенного рода инверсии, возрождением подавленного после 1917 г. социоисторического и социокультурного содержания. Инверсивной и потому, что уже в рамках развития 1990–2000-х гг. отмечаются симптомы возрождения советского и, шире, авторитарного содержания. Многие конфликты и противоречия этого периода связаны, как представляется, именно с псевдоморфным характером процесса.

Помимо характеристики каждой из глобальных российских псевдоморфоз и анализа ее специфики, важно попытаться выявить общую логику развития страны, для которой псевдоморфный тип развития стал доминирующим, идентифицировать и охарактеризовать инверсивные механизмы и присущие псевдоморфной «машине» противоречия. Важно понять, в какой степени заимствование извне матриц и механизмов развития и конкретных социокультурных фрагментов, обращение к моделям развития, апробированным в других странах, было в российских условиях неизбежностью, единственным приемлемым ответом на вызовы, которые вставали перед российским государством и обществом, а в какой представляли собой своего рода историческую «сдачу» (вспомним уже цитированное выражение Г. В. Флоровского) и являлись продуктом эгоизма элит. Наконец, в какой степени они были следствием волюнтаризма и

необоснованного исторического экспериментаторства. Иными словами, необходимо осмыслить, обречена ли Россия и далее двигаться от псевдоморфозы к псевдоморфозе или у нее есть неиспользованные возможности органического развития? Или же для России, учитывая специфику, псевдоморфность ее истории, следует искать некий третий, компромиссный, промежуточный путь?

В этой связи большое значение имеет осмысление модернизации России XIX в. и осуществлявшейся с начала 1990-х гг. XX в. модернизации повседневности, отчасти уже описанной нами [20]. Вероятно все же, что в России существуют определенные возможности и предпосылки для органического развития. Хотя, ставя вопрос таким образом, необходимо сознавать фундаментальные отличия этого естественного, органического развития от различного рода инверсивных трансформаций.

4. Псевдоморфоза и политика

Псевдоморфоза может иметь самую различную структуру, например, начинаться с создания государственных, властных, политических предпосылок для социокультурного поворота, как это имело место в ходе первой русской псевдоморфозы (пришествие варягов, формирование нового типа власти – и только затем социокультурный переворот, ядром которого стала христианизация). Равным образом, псевдоморфная трансформация может начаться с изменений в культурной, духовной сфере – и затем распространиться на все прочие, более «материальные» сферы социума – милитарную, технологическую, властную. Так произошло, в частности, с никонианско-петровской псевдоморфозой, процессом, начавшимся с церковной реформы патриарха Никона («пересмотр богослужебных книг») и продолженным фундаментальной петровской модернизацией первой четверти XVIII в.

Псевдоморфоза может быть стремительной, как после 1917 г., или растянутой. Например, монголоизация Руси наиболее интенсивно развернулась именно после освобождения от ордынского ига. Об этом писал, кстати, еще знаменитый историк Г. В. Вернадский: «Проблема монгольского влияния на Русь многокомпонентна. Мы сталкиваемся здесь скорее с комплексом важных проблем, чем только с одним вопросом. Влияние монгольской модели на Московию дало свой полный эффект отложенного действия.

Более того, в некоторых отношениях прямое татарское влияние на русскую жизнь скорее возросло, чем уменьшилось, после освобождения Руси» [21, 341–342]. К аналогичным выводам приходят и некоторые современные исследователи. «Уроки татарского ига не были забыты русскими: их применили в тех же масштабах, в тех же варварских формах» [22, 167], – констатирует В. В. Похлебкин.

Так или иначе, особенность любого псевдоморфного процесса заключается в том, что он создает и поддерживает напряжение между изначальным автохтонным социокультурным содержанием и привнесенной аллохтонной матрицей со всеми присущими ей атрибутами. Это напряжение не может не проецироваться в сферу политики. Конечно, эта проекция многократно опосредована, и социокультурные напряжения и деформации не являются *непосредственной* причиной политических конфликтов и катаклизмов. Политика имеет свою сферу причинности и свою систему мотивации. Но некоторые политические вехи по большому счету предопределены псевдоморфным характером процесса. Так, например, несчастный царевич Алексей, убитый своим отцом или с согласия своего отца, был даже не столько реальным политическим противником последнего, сколько фигурой, несовместимой с разворачивавшимся псевдоморфным процессом, типологически, социокультурно чуждой.

Если мы посмотрим в контексте нашей концептуализации на фигуру М. С. Горбачева, то вынуждены будем констатировать, что он был не то чтобы чужд европейским ценностям и враждебен европейской социокультурной матрице, как цесаревич Алексей Петрович, но, во всяком случае, политически недостаточен для обеспечения глобального псевдоморфного поворота, который произошел в России на рубеже 1980–1990-х гг. прошлого века, хотя как исторический деятель немало сделал для его приближения. В значительной степени это и предопределило его политическую судьбу и возвышение его политических оппонентов.

Но помимо политического «сопровождения» псевдоморфного процесса (Петр I, Горбачев) можно говорить и о попытках абортить этот глобальный процесс чисто политическими средствами или, во всяком случае, ограничить его. Сегодня в массе политических инициатив, исходящих из различных органов и институтов власти, федеральной и местной,

в том числе совершенно нелепых и курьезных, мы видим стремление к инверсии и прекращению псевдоморфного процесса, абортированию европоморфной псевдоморфозы чисто политическими инструментами. В частности, речь идет о многообразных попытках ограничить сферу распространения западной культуры (кино, музыка, телевидение, Интернет как порождение свободного, бесцензурного общества и сфера проявления почти абсолютной свободы слова и т. п.).

Между тем, складывается впечатление, что более действенным инструментом обеспечения социокультурного регресса является не прямолинейное наступление на «чуждые», заимствованные социокультурные феномены и практики, а подспудный, глубинный процесс псевдоморфной инверсии в политической сфере. Речь идет о ситуации, когда наложенные на социум в ходе псевдоморфозы институты приобретают чисто имитационный характер, а авторитаризм де-факто существует и усиливается в институциональных формах демократии.

* * *

Исследователи традиционно склонны искать некое общее, глобальное концептуальное объяснение весьма специфическому, извилистому, полному конфликтов и противоречий историческому пути России. Концепция псевдоморфного развития – одна из глобальных исследовательских матриц, которая, если ее не

абсолютизировать и не считать единственным ключом к пониманию метаморфоз российской истории, может в значительной степени прояснить логику развития России и генезис многих ее острых и болезненных проблем.

Надо заметить, что псевдоморфная проблематика актуализируется всем контекстом современного развития. Сегодня в мире происходит усиление взаимодействия различных социальных, политических, экономических субъектов, разворачивается процесс глобализации, которая предполагает наложение множества привнесенных извне оболочек на огромное множество социокультурных миров и общественных сегментов. В известном смысле мир становится все более псевдоморфным.

Использование концепта псевдоморфного развития наряду с другими концептами и подходами может существенно продвинуть нас в понимании как исторического прошлого России, так и реальности, в которой мы пребываем в настоящее время. Попытка осмыслить тысячелетнюю историю России под существенно иным углом зрения, нежели это делалось ранее, идентификация некоей общей – в данном случае псевдоморфной – логики ее развития может стимулировать осмысление и переосмысление судьбоносных поворотов российской истории, и политических, и, шире, исторических, что, в свою очередь, должно способствовать выработке адекватных особенностям исторического субъекта политических и социальных практик.

Библиография:

1. Королев С. А. Псевдоморфоза как тип развития: случай России // *Философия и культура*. 2009. № 6. С. 72–85.
2. Шпенглер О. *Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы*. М.: Мысль, 1998. 606 с.
3. Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. 2-е изд. Париж: Имка-Пресс, 1981. 600 с.
4. Цымбурский В. Новый возраст России // *Русский журнал*. 04.10.2007 // [Электронный ресурс] – URL: <http://www.russ.ru/Mirovaia-rovestka/Novyj-voznast-Rossii> (дата обращения: 11.04.2015).
5. «Мы закрутились в каком-то странном межвременье...» Интервью с В. Л. Цымбурским // *Социологическое обозрение*. Т. 8. № 1. 2009. С. 101–118.
6. Gavrilyuk P. *Georges Florovsky and the Russian Religious Renaissance. Changing Paradigms in Historical and Systematic Theology*. Oxford: Oxford University Press, 2014. 297 p.
7. Флоровский Г., прот. Дм. Чижевский. *Философия на Украине* // *Путь*. [1929]. № 19. С. 118–119.
8. Крауз Г.-К. «Закат Европы». Россия в исторической мысли Освальда Шпенглера // *Германия и русская революция 1917–1924* / Под ред. Г. Кенена, Л. Копелева. М.: Памятники исторической мысли, 2004. 390 с.
9. Вригт Х., фон. Модернизация как псевдоморфоз // Вригт Х., фон. *Три мыслителя*. СПб.: Русско-балтийский информационный центр «Блиц», 2000. С. 247–254.
10. Межуев Б. Десятилетие одной псевдоморфозы // *Агентство политических новостей*. 22.08.2006 // [Электронный ресурс] – URL: <http://www.apn.ru/publications/article10250.htm> (дата обращения: 11.04.2015).
11. Королев С. А. «Норманнский фермент» в контексте концепции псевдоморфного развития России // *Философия и культура*. 2014. № 3. С. 362–382.
12. Королев С. А. Христианизация как псевдоморфоза // *Философия и культура*. 2014. № 8. С. 1131–1148.
13. Ахиезер А. С. *Россия: Критика исторического опыта. От прошлого к будущему. Т. 2. Социокультурный словарь. 2-е изд., перераб. и доп.* Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. 600 с.

14. Булдаков В. П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М.: РОССПЭН, 2012. 759 с.
15. Булдаков В. П. Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления. М.: РОССПЭН, 2007. 204 с.
16. Федотова В. Г. Апатия на Западе и в России // Вопросы философии. 2005. № 3. С. 3–19.
17. Живов В. М. Разыскания в области истории и предистории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 758 с.
18. Королев С. А. Модернизация и демодернизация в российской истории. Часть I // Философия и культура. 2009. № 1. С. 72–80.
19. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? 3-е изд., испр. и доп. М.: Новое издательство, 2013. 496 с.
20. Королев С. А. Повседневность как эманация социальности: трансформации и тренды // Философская мысль. 2013. № 8. С. 356–422.
21. Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь; М.: ЛЕАН; Аграф, 2001. 480 с.
22. Похлебкин В. В. Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII–XVI вв. 1238–1598 гг. М.: Международные отношения. 2000. 192 с.

References (transliterated):

1. Korolev S. A. Pseudomorfoza kak tip razvitiya: sluchai Rossii // Filosofiya i kul'tura. 2009. № 6. S. 72–85.
2. Shpengler O. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoi istorii. T. 2. Vsemirno-istoricheskie perspektivy. M.: Mysl', 1998. 606 s.
3. Florovskii G., prot. Puti russkogo bogosloviya. 2-e izd. Parizh: Imka-Press, 1981. 600 s.
4. Tsyburskii V. Novyi vozrast Rossii // Russkii zhurnal. 04.10.2007 // [Elektronnyi resurs] – URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Novyj-vozrast-Rossii> (data obrashcheniya: 11.04.2015).
5. «My zakrutilis' v kakom-to strannom mezhvrem'e...» Interv'yu s V. L. Tsyburskim // Sotsiologicheskoe obozrenie. T. 8. № 1. 2009. S. 101–118.
6. Gavrilyuk P. Georges Florovsky and the Russian Religious Renaissance. Changing Paradigms in Historical and Systematic Theology. Oxford: Oxford University Press, 2014. 297 p.
7. Florovskii G., prot. Dm. Chizhevskii. Filosofiya na Ukraine // Put'. [1929]. № 19. S. 118–119.
8. Krauz G.-K. «Zakat Evropy». Rossiya v istoricheskoi mysli Osval'da Shpenglera // Germaniya i russkaya revolyutsiya 1917–1924 / Pod red. G. Kenena, L. Kopeleva. M.: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2004. 390 s.
9. Vright Kh., fon. Modernizatsiya kak pseudomorfoz // Vright Kh., fon. Tri myslitelya. SPb.: Russko-baltiiskii informatsionnyi tsentr «Blits», 2000. S. 247–254.
10. Mezhuov B. Desyatiletie odnoi pseudomorfozy // Agentstvo politicheskikh novostei. 22.08.2006 // [Elektronnyi resurs] – URL: <http://www.apn.ru/publications/article10250.htm> (data obrashcheniya: 11.04.2015).
11. Korolev S. A. «Normanskii ferment» v kontekste kontseptsii pseudomorfnogo razvitiya Rossii // Filosofiya i kul'tura. 2014. № 3. S. 362–382.
12. Korolev S. A. Khristianizatsiya kak pseudomorfoza // Filosofiya i kul'tura. 2014. № 8. S. 1131–1148.
13. Akhiezer A. S. Rossiya: Kritika istoricheskogo opyta. Ot proshlogo k budushchemu. T. 2. Sotsiokul'turnyi slovar'. 2-e izd., pererab. i dop. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 1998. 600 s.
14. Buldakov V. P. Utopiya, agressiya, vlast'. Psikhosotsial'naya dinamika postrevolyutsionnogo vremeni. Rossiya, 1920–1930 gg. M.: ROSSPEN, 2012. 759 s.
15. Buldakov V. P. Quo vadis? Krizisy v Rossii: puti pereosmysleniya. M.: ROSSPEN, 2007. 204 s.
16. Fedotova V. G. Apatiya na Zapade i v Rossii // Voprosy filosofii. 2005. № 3. S. 3–19.
17. Zhivov V. M. Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2002. 758 s.
18. Korolev S. A. Modernizatsiya i demodernizatsiya v rossiiskoi istorii. Chast' I // Filosofiya i kul'tura. 2009. № 1. S. 72–80.
19. Akhiezer A., Klyamkin I., Yakovenko I. Istoriya Rossii: konets ili novoe nachalo? 3-e izd., ispr. i dop. M.: Novoe izdatel'stvo, 2013. 496 s.
20. Korolev S. A. Povsednevnost' kak emanatsiya sotsial'nosti: transformatsii i trendy // Filosofskaya mysl'. 2013. № 8. S. 356–422.
21. Vernadskii G. V. Mongoly i Rus'. Tver'; M.: LЕАН; Аграф, 2001. 480 s.
22. Pokhlebkii V. V. Tatarsy i Rus'. 360 let otnoshenii Rusi s tatarskimi gosudarstvami v XIII–XVI vv. 1238–1598 gg. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2000. 192 s.